

Виктор Бердник

Летите, голуби, летите...

*Иллюзии теряют все,
но происходит это у каждого по-своему.*

Человек должен что-то в жизни любить. Неважно что: рыбачить или коллекционировать почтовые марки, выращивать экзотические орхидеи или нырять с аквалангом. Да мало ли? Необходимо быть привязанным душой к какому-нибудь незатейливому и нехитрому занятию, чтобы, посвящая ему себя беззаветно, не замечать времени, потраченного на дело, на первый взгляд, пустое. Наверное, именно тогда ощущение счастья не вспыхивает короткой минутой восторга, а становится долгими часами душевного комфорта, к которым неизменно хочется вернуться.

У Фимы таким увлечением были голуби. В семилетнем возрасте он из детского сострадания притащил домой сбитого машинной сизаря с пораненным крылом и выходил его, а в четырнадцать – уже обзавелся собственной голубятней. Ее Фима соорудил на крыше родительского гаража в тесном дворе на Молдаванке. Вообще-то, гаражом назывался самый обыкновенный сарай. Ничем не лучший остальных соседских сараев, слепленных на скорую руку из ракушняка, где хранилось всякое барахло и шныряли вездесущие крысы. Правда, этот имел дверь пошире, именованную воротами, и запирался на толстую перекладину, причем непонятно для какой цели. Кроме ржавой панцирной сетки от допотопной кровати, прогоревшего керогаза да пары пыльных костылей потенциальному злоумышленнику там все равно поживиться было нечем. Ни завалящего инструмента, ни банок

с домашними закрутками, ни прочего добра, которому не нашлось места в тесной квартире.

В еврейской семье мальчик, гоняющий голубей, наверное, такая же редкость, как ее глава – алкоголик. Нонсенс, одним словом. Недаром Фиминая мама часто слышала неодобрительный шепот дворовых подруг:

– Роза, ну, где это видано, шоб наш, маланский, как байстрюк какой-то по черепице гецал? Купите ему аккордеон, что ли...

Аккордеон Фиме, конечно, купили: немецкий «Вельтмайстер». С бордовым перламутровым корпусом, с белыми переключателями регистров – красавец. Такой в руки взять одно удовольствие, не говоря уже о том, чтобы под настроение пробежаться чуткими пальцами по кнопкам и клавишам. Умением растягивать меха и извлекать звуки из роскошного инструмента Фима честно овладел, однако дальше элементарных упражнений учение так и не двинулось. Он кое-как одолел нотную грамоту и уже мертво застопорился на основах аппликатуры. Каждый раз, совестливо вникая в мудреную технику игры, Фима нетерпеливо ждал окончания постылого урока. После часа сидения с уже ненавистным аккордеоном он ощущал шов трусов, влезший в задницу, ерзал на стуле и только мечтал поскорей оказаться в голубятне. Какие уж там ноты и сольфеджио? Так и не пришлось его маме с папой побаловать слух и родительское тщеславие «Королевой красоты» или «Рулой терулой» в исполнении сына. Занятия, к Фиминной радости, прекратились ровно через месяц, ввиду их полной бесперспективности, а вместо этого уже основательно повзрослевший пацан, стоя на крыше и засунув два пальца в рот, свистел, с замиранием сердца провозжая в полет пару турманов. По воскресеньям Фима пропадал на Староконном рынке и даже приятельствовал там с такими же, как сам, фанатами, часами просиживая перед клетками с полюбившимися ему птицами.

О голубях Фима вспомнил спустя много лет в Америке, куда, подобно многим одесситам, подался в поисках заграничного счастья. И отправился он за океан вовсе не за туманной свободой совести, слабо представляя суть этого красивого выражения, а за вполне осязаемым материальным благополучием. Оттого, наверное, и не втирал никому очки, объясняя мотивы отъезда:

– Хочу по-человечески пожить. Просто и без лозунгов. Вольготно и ни в чем себе не отказывая. От милихи подальше, к делам поближе, – философски резюмировал Фима, собираясь преуспеть в Штатах не хуже потомков первых переселенцев. И таки преуспел! Не столь головокружительно, как мечтал, но вполне прилично, по эмигрантским меркам: стабильная работа, перспективы роста, две машины в семье. Причем не столетние раздолбанные колымаги, а вполне современные автомобили. В общем, все чин-чинарем. И все благодаря собственному трудолюбию. В Америке деньги не растут на деревьях, как придорожная шелковица или как абрикоса-дичка. Их, правда, можно сделать, но зарабатывать в достаточном количестве – увы, тяжело. Фима с первого дня пахал как каторжный, а такие здесь обычно непременно добиваются успеха. Неудивительно, что уже через два года после приезда ему удалось наскрести необходимую сумму на первый взнос за дом.

Его Фиме подыскала русская риэлторша – такая же, как и он, советская эмигрантка. При первой встрече та, невероятно гордая собой от сделанной карьеры агента по недвижимости, снисходительно сыпала специфическими терминами на английском языке, безбожно перемешивая их с некогда родной речью:

– Четыре бедрум и три басс. Восемнадцать хандред сквер фит. За эти бабки? Хардвуд флор! Гранитные каунтеры! Я удивляюсь, как он вообще не улетел и до сих пор остается на маркете...

Фима добросовестно слушал, но не особо вникал в ее фальшиво восторженные причитания, намереваясь самостоятельно разобраться в целесообразности намечающейся сделки. Неизменное правило покупки жилья в Америке – location, location, location – он уже усвоил так же твердо, как и не требующую доказательств истину, что желание брокера продать дом кому угодно несколько отличается от стремления его клиента купить тот для себя.

Надо сказать, что дом Фиме понравился сразу. Двухэтажный особняк с бассейном, расположенный на тихой тупиковой улочке, с первого взгляда внушал почтительное уважение.

«...В такую фатеру и людей пригласить не стыдно», – подумал Фима, окинув взглядом основательное строение светлотерракотового цвета.

«...Не халабуда какая-нибудь задрипанная, – с удовольствием отметил он про себя, удовлетворенный первым впечатлением. – Беру!..»

Помимо прочих очевидных достоинств так приглянувшегося Фиме дома существовало еще одно немаловажное обстоятельство. Оно, конечно, не стало решающим, однако было чрезвычайно полезным. И дело заключалось в том, что его потенциальные соседи оказались тоже эмигрантами из СССР. Ну, чем не благоприятный расклад?

«...Рядом со своими оно как-то привычнее», – рассуждал Фима, резонно полагая, что с соотечественниками легче и проще решить все проблемы.

Цена Фиму устраивала, но, как полагается в этих случаях, он предложил меньшую. Торговаться долго не пришлось, и уже через два месяца семья успешно перебралась в собственный дом. А спустя какое-то время Фимины мысли вернулись к давнему увлечению. Сначала робко, – мол, хорошо бы было. Потом уже уверенней, – а почему бы, собственно говоря, и нет? И наконец, однажды субботним утром, вооружившись рулеткой, Фима принялся вымерять участок для будущей голубятни.

Знакомство с новыми соседями Яшей и его женой Жанной состоялось уже через неделю после переезда. По случаю новоселья Фима тех позвал в гости. Покупка дома в Америке – это всегда волнующее событие. Оно же и, безусловно, этапное – первый крупный долг. Сабантуй по поводу столь значительного приобретения одновременно стал прологом к более тесным соседским отношениям. Под водочку дружба завязывается легко... С тех пор Фима частенько приглашал Яшу с супругой то на пиво с креветками, то на барбекю...

Однажды во время очередного совместного ужина на террасе зоркая Жанна, несмотря на плотные сумерки, умудрилась заметить во дворе каркас странного сооружения и тут же шутливо любопытствовала:

– Уж не баньку ли строишь?

– Ее самую, – невозмутимо подтвердил Фима, с удовольствием потягивая пиво.

– Вон и раздевалка через дорогу, – он протянул руку с запотевшей бутылкой в сторону кухни, где на плите варились рачки по одесскому рецепту: непременно с укропом и с лавровым листом.

– Так что, приходите париться, гости дорогие...

Жанна, не успевшая еще привыкнуть к его неизменному юмору, кисло улыбнулась.

– Да ну тебя. А если серьезно?

– Так... Сарайчик для садово-огородного инвентаря, – уклончиво ответил Фима, не расположенный заранее раскрывать своих планов.

Голубятню удалось достроить быстро, но вот с ее обитателями возникли некоторые затруднения. В Одессе Фима, не ломая голову, поехал бы на Староконный рынок и выбрал там чего душа желает, здесь же случилась заминка. Американские зоомагазины предлагали превеликое множество живности, но только не голубей. Продавец, к которому Фима обратился по интересующему его вопросу, лишь промямлил что-то невразумительное, но толкового ответа от него добиться так и не удалось.

Пришлось искать голубей по интернету. В итоге Фима приобрел бирмингамских роллеров, очень похожих на самых обыкновенных гривунов, которых ему приходилось разводить в Одессе. Только там те были белоснежными с цветным пятном на шее, а американские оказались рябые с темным оперением от головы до крыльев.

С каким трепетом Фима открыл клетку и прикоснулся к голубке... Та спокойно далась в руки и уже вскоре безбоязненно вспорхнула на жердочку в новом жилище, любовно подготовленном им для четырех пар. Вслед за голубкой последовал ее верный спутник и потом уже все остальные птицы, выбирая для себя постоянный насест. От дружного воркования стаи Фима едва не прослезился, настолько этот звук будил в нем дорогие сердцу воспоминания.

Теперь ему предстояло приучить голубей к месту, а только потом выпускать их в небо. Фиме, давным-давно усвоившему эту науку, было не привыкать ко всем ее премудростям. Даром, что ли, он столько времени возился с птицами? Сразу после работы Фима, наспех перекусив, спешил к своим пернатым питомцам. Чистил поддоны, менял воду, подсыпал в кормушки любимое лакомство голубей – семена аниса. Время катилось незаметно. Наконец, после месяца приготовлений Фима дал голубям облететь

территорию. Гонять их было еще рановато, и он с нетерпением ждал подходящего дня, собираясь пригласить зрителей, Яшу и Жанну, чтобы и те могли насладиться великолепным зрелищем.

Однако реакция соседей на его живой уголок оказалась не столь восторженной и благожелательной, какой Фима ее себе представлял.

– Голуби? – брезгливо поморщилась Жанна, наконец распознав предназначение таинственного сооружения во дворе. – Они же разносчики всякой заразы! Туберкулеза! – закудахтала та, не на шутку перепуганная опасностью вдруг подхватить инфекцию. У нее даже щеки побелели, словно Жанна узнала, что пила из одного стакана с пациентом кожно-венерологического диспансера. Да чистый караул!

Увидеть столь явное неприятие своих любимцев Фима никак не предполагал, и потому слегка растерялся, а вместо того чтобы продемонстрировать всю красоту птичьего полета, ему пришлось успокаивать не в меру разволновавшуюся соседку:

– Жанночка, золотце, не волнуйся. Ничего не угрожает твоему драгоценному здоровью.

Однако та, плохо скрывая недовольство иметь голубятню в непосредственной близости от окон своей спальни, лишь безнадежно махнула рукой и предусмотрительно отошла в сторону. Яша, собираясь присоединиться к супруге, тоже скептически поинтересовался:

– Послушай, а они не обосрут все в округе?

– Господь с тобой! – Фима усмехнулся, услышав его опасения. По всей видимости, тот вспомнил какой-нибудь памятник, обгаженный городскими сизарями, сотнями обитающими на площадях и в скверах. Оно и немудрено. Подобный – графу Воронцову на Соборке в Одессе – был перманентно обсижен этими птицами, бессовестно превратившими генерал-фельдмаршальские эполеты на плечах бронзовой фигуры в белые бесформенные бугры.

– Голубь – это символ мира, – добавил Фима снисходительно, уже чутко уловив, как в приятельских отношениях с соседями возникла первая глубокая трещинка.

– Для кого-то, может, и символ, – скорбно покачал головой Яша, красноречиво кивнув на свои хоромы за массивным забо-

ром, – а для кого-то источник продуктов жизнедеятельности организма.

– Только не для вас, – поспешил заверить его Фима, – я гарантирую, что беспокоиться ни тебе, ни Жанне не о чем. У меня же высоколетные голуби, а не какая-нибудь босота...

Прошло несколько месяцев, и атмосфера вроде бы сама собой разрядилась. На Фимино необычное увлечение Яша и его дражайшая половина уже не косились подозрительно, тем более что, как он и обещал, каких-либо неудобств от птиц совершенно не возникло. Во всяком случае, так Фима хотел думать... Да он и сам не злоупотреблял терпением людей, с которыми уже приятельствовал. Без преувеличения, Фима заботился о чистоте голубятни не меньше, чем его жена драила кухню. Недаром вылизанная там плита и посуда всегда сияли к гордости ретивой хозяйки.

Похоже, мирное сосуществование никак не нарушилось, и взаимоотношения с соседями остались прежними. Правда, забегали на пиво или шашлычок Яша с Жанной теперь не так часто, как раньше, но и демонстративно не сторонились Фиминой компании. Он даже с облегчением вздохнул, убедившись, что возникшая тень конфликта, о котором поначалу переживал, бесследно растаяла. Фимино свободное время ныне целиком было посвящено любимому занятию, и он, вероятно, с полным правом мог бы назвать себя счастливым человеком. Однако счастье, как небосвод в осеннюю пору, редко остается безоблачным. Того и гляди, на горизонте появится тучка... Неприятность свалилась на Фимино голову неожиданно в виде официальной бумаги, в одно мгновение лишившей его возможности иметь это счастье.

В тот же день, повстречав на улице Яшу, выкатывавшего из двора мусорные баки, он с грустью поделился плохой новостью:

– Представляешь, получил сегодня письмо из городского управления. Какая-то гнида накатала на меня телегу.

От услышанных слов Яша стал смурной. У него тревожно забегали глаза, и он нехорошо отвел их в сторону.

– Нашлась крысиная задница, которой помешали мои голуби, – сокрушался Фима, – ну, не паскудство? Чтоб тебе уже повылазило! – проклинал он неизвестного недоброжелателя. – Да при-

ди ты и скажи по-людски, зачем же доносы строчить? Ох, жаль, что не знаю, кто эта падла...

Фима не был зол, но его глодали прежде неведомые чувства. Разочарование? Наверное. Иллюзии теряют все, но происходит это у каждого по-своему.

– И что теперь? – осторожно участливым тоном спросил Яша.

– Да уж ничего хорошего. Я должен держать голубей дома в клетке. Ну, не абсурд? Они ж не канарейки, – Фима растерянно развел руками. – Голубю полет нужен! Простор!

Так и остался бы навсегда он в полном неведении об авторе злосчастной кляузы, если бы не случай. Однажды почтальон по ошибке кинул к нему в ящик печально знакомый конверт. Таких писем Фима уже получил несколько – грозных уведомлений из городского управления. Первое содержало требование не выпускать голубей летать над соседскими владениями, затем пришло второе, предписывающее убрать голубятню с участка. И вот, наконец, теперешнее. Завидев обратный адрес, Фима, ожидая увидеть очередное досадное распоряжение, в спешке открыл конверт, даже не поглядев на имя и фамилию получателя. Да и кому на его улице могло прийти подобное письмо, как не Фиме – злостному нарушителю правил содержания птиц и животных в жилом районе?

«...Что за ерунда? – удивился он, проскользнув глазами по первым строкам вложенной туда бумаги. – ...Этого не может быть!» – стыд и шок Фима испытал одновременно. Стыд по причине вскрытого чужого письма и шок по поводу его содержания. Он буквально оторопел, прочитав короткое послание соседям Яше и Жанне, извещающее тех о принятых мерах в ответ на их жалобу. Клерк, занимавшийся этим делом, не просто отписался, обещая помочь, а действительно подошел к вопросу с должным рвением и усердием.

«...Господи, какие дряни», – Фима вспомнил, как еще совсем недавно принимал у себя супругов, и почувствовал, как у него сдавило грудь.

«...А я их за стол усаживал, хлеб с ними делил», – продолжал изводить себя он ощущением поруганного гостеприимства. Окажись злопыхателем, затеявшим известить его голубей, любой дру-

гой человек – и Фима воспринял бы эту неприятность как должное. Расстроился бы, конечно, но что тут поделаешь? Ну, не нравятся кому-то птицы, парящие в небе. Да мало ли какие могут найтись причины? Американцы у себя в стране и в полном праве призвать чужеземца к установленному порядку. Но эти?! Его разлюбезные соотечественники! Люди, вроде бы связанные с ним общей культурой и традициями? Ведь и Фима, и Яша, по логике вещей, должны держаться друг за друга! Пусть не помогают, но хотя бы не топить...

Столь сильного потрясения Фима, пожалуй, никогда не переживал. Так случилось, что его ни разу не предавали. И с подкожными злыднями ему тоже водиться никогда не приходилось. Оттого у Фимы сейчас оголенным нервом свербила боль, как у человека с открытой натурой, внезапно осознавшего до конца, что причинить страдания могут только близкие люди. Ему вдруг свежо припомнились некоторые замечания Яши и Жанны, отпускаемые ими произвольно, и которым он не придавал значения. И зря... Только теперь многие странности в поведении соседей, казавшиеся Фиме мелочами, вдруг получили исчерпывающее объяснение.

«...А ведь эта парочка относится именно к тем субъектам, которые, обронив доллар, не столько думают о том, что его лишились, сколько переживают по поводу того, что его кто-то найдет...»

Он перебирал в памяти совместные беседы за чаркой, вдруг высветившие сейчас всю мерзопакостную гниль этих людей, казавшуюся прежде Фиме не более чем простительным скудоумием.

«...Да что теперь о них? Голубей жалко», – Фима чуть не заплакал, вообразив на минуту, что придется расстаться с птицами. Впрочем, невеселые думы одолевали его недолго, подсказав единственно правильное решение...

Дом Фима с тяжелым сердцем поставил на продажу. Желающие приобрести его нашлись быстро. Америка переживала бум на недвижимость, и ценовой пузырь раздувался день ото дня, подогретый нездоровым ажиотажем рядового обывателя вдруг зашибить легкие деньги. Ну, мол, чем я хуже? Если кто-то может на-

жить, то что мешает обогатиться и мне? Впереди у страны маячила финансовая пропасть, но ее никто не замечал. Или не хотел замечать?.. Все вдруг заделались инвесторами, не желая упустить редкий шанс. Неудивительно, что в такой ситуации Фимин дом оказался лакомым куском, за который среди алчных спекулянтов разгорелась нешуточная борьба. Он только успевал подливать масла в огонь, перезванивая потенциальным покупателям и сообщая тем о происках конкурентов.

– Дают на десятку больше... Еще пятерку накинули...

От услуг брокера Фима отказался напрочь, чем очень разочаровал ту самую русскую риэлторшу, узнавшую от общих знакомых о планах бывшего клиента.

– Ты не сможешь сам ни продать дом, ни приобрести новый, – недовольно буркнула она, расстроенная фактом уплывающих из рук верных комиссионных. Однако Фима только посмеялся в ответ, когда та ему позвонила:

– Смогу, еще как смогу. Делов-то – занести бумаги в ЭСКРОУ*. Особого ума для этого не требуется. Там только того и ждут – ведь не за красивые глаза стараются. Так что, спасибо за заботу, милая, но, звиняйте, я уж как-нибудь сам разберусь.

Он даже успел присмотреть другой домишко и старался совершить обе сделки с максимальной выгодой. На этот раз его соседями намечались любители лошадей. Дом, выставленный на продажу рядом с их небольшим ранчо, вполне соответствовал Фимину вкусу, а самое главное, в том месте он мог беспрепятственно держать голубей. Территория вполне позволяла, да и чужие уголья располагались на приличном расстоянии. Не говоря уже о том, что чистому душой человеку, а потому близкому к живой природе, голубятня такой же приют для божьей твари, как и конюшня. Да и голубиный помет для него ничем не хуже конского навоза. Правда, домик, который Фима обхаживал, находился чуть ли не на окраине города, на выселках, но в Америке этот фактор крайне условен. Далеко от чего или от кого? Машина всегда под боком, хайвэй рядом...

---

* ЭСКРОУ – в англо-американском праве депонирование у третьего лица денежной суммы на имя другого лица, с тем чтобы она была выдана ему лишь после выполнения известного условия.

Яша с Жанной, очевидно, что-то пронюхали, потому как избегали встреч с Фимой, и вообще, затаились, как мыши. Или почувствовали, что ему стали известны их подлые козни? Во всяком случае, Фима с ними больше не сталкивался. Но не попроситься не мог...

Как раз в тот день, когда большой грузовик, загруженный домашним скарбом, отъехал и направился по новому адресу, он, бросив последний взгляд на участок в саду, где еще совсем недавно возвышалась голубятня, решительно направился к уже бывшим соседям. Дверь открыл Яша и растерянно застыл на пороге. Увидеть здесь Фиму он никак не ожидал, и потому сильно смутился.

– Уезжаешь? – упавшим голосом, наконец, проговорил он, сомневающийся, что сказать напоследок.

– Уезжаю.

– Жаль.

– Мне тоже жаль, – грустно улыбнулся Фима и испытующе взглянул в Яшины глаза, будто ожидая увидеть в них раскаяние. Да и простил бы, наверное, повинись тот ему сейчас в своем злонамеренном поступке. И обиды не держал бы потом. Ну, кто не совершает ошибок в жизни? Пусть даже таких горьких. Однако Яша не проронил ни слова, предпочитая хранить равнодушное молчание.

– Жаль, – повторил Фима, так и не услышав, чего хотел.

– Жаль, – уже спокойно проговорил он и с отвращением плюнул Яше в лицо. Потом развернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь...

США

